

Ностальгия
по настоящему

НАТАЛЬЯ ЗСКИНА*

32+10+5+17+5+1... Это я вы-
считываю, какая часть счастья
(равного, как видно по формуле,
семидесяти — правильно ли я со-
считала?) — которая часть этого
прекрасного, сияющего и недости-
жимого счастья была выдана нам
вчера?

Что в формулу-то входит? Фор-
тепианные сонаты Бетховена
(коих, как известно, 32), потом
скрипичные, виолончельные, потом 17
струнных квартетов (считая и Большую
фугу, опус 133), фортепианные и скри-
пичный концерты...

Ладно уж, отбросим мелочь вроде
«Багателей», «Экссезов», умолчим о
примкнувших из каких-то соображений
к Бетховену квартете Бородина и сту-
денческой квартетной работе Чайков-
ского, отбросим всю остальную не сосчи-
танную нами часть бетховенских опусов.

Одну шестидесятую этого сияющего
массива привезли нам так называемые
«бородинцы». Тут я удерживаюсь от эле-
гического вздоха: вот когда-то, дескать,
в 1970 году в Малом зале Московской
консерватории слышала в исполнении
Квартета имени Бородина весь цикл,
все семнадцать струнных квартетов. Уж
и коллектив давно не тот: меняется с го-
дами состав. А Бетховен? Не тот он стал
теперь...

Как сильно меняются исполнитель-
ские традиции! Несколько перефразируя
Оскара Уайльда, скажем: Бетховен — то
зеркало, которое отражает не окружаю-
щий автора мир, а слушателя, который в
него, в зеркало, заглядывает.

К сожалению, чтобы отразиться во
весь рост, надо бы сыграть. Легендарный
наш Миша Аркадьев, ближайший друг до-
брой половины музыкального мира Рос-
сии, заполонивший собой весь Интернет
(кстати, приглашаю всех интересующих-
ся найти и послушать в You Tube его поист-
ине фантастические записи инвенций
Баха), говаривал: по-настоящему может
понимать музыку только тот, кто ее игра-
ет. И, видя задумчиво удлинившиеся лица

Бетховен как формула счастья

Государственный квартет имени Бородина

собеседников, добавлял: и только в тот
миг, когда играет.

Так вот и со струнными квартетами.
Поиграть бы! Иду на концерт — говорю
сама себе: ну-ка сядь, позанимайся, На-
таша! В двадцать лет позволяла себе вне
контекста слушать, без подготовки — те-
перь изволь-ка поготовиться. Ну как мы,
музыковеды, владеющие в основном фор-
тепиано, можем сыграть струнные квар-
теты Бетховена? По чтению партитур,
разумеется, играли. Но, жалко, не все.

Чудный момент всегда вспоминаю —
поступали мы в аспирантуру. Сдали эк-
замены и собрались у молодого педагога
нашей кафедры. И то ли в порядке под-
бавания ко мне клиньев, то ли в знак са-
молюбования делает он мне такое пред-
ложение: «А давайте-ка я вам поиграю!
Вот что вам сыграть, заказывайте?». А
сам-то ведь и вовсе не пианист. Анали-
тик, музыковед. «Ну, — тоном избалован-
ной царицы Тамары говорю я гостепри-
имному хозяину, — сыграйте-ка мне фи-
нал «Крейслерианы»!».

В Гнесинке хорошие музыковеды были,
на многое способные. Сыграл этот Сережа
по моим заявкам и «Крейслериану», и фи-
нал Четвертого концерта Рахманинова, и
этюд Скрябина. Ну, думаю, сейчас я с него
спесь-то посбиваю. И говорю: «А теперь...

бешеном темпе! Тут, конечно, не толь-
ко хороший вкус — тут безошибочное
мастерство.

Ох уж эти музыковеды. Ну, зачем они
о мастерстве рассуждают, когда сами в
зеркале квартета и отразиться не мо-
гут? Разве что один нос или в лучшем
случае глаз с оглоблей очков? В смысле
не сыграют. Вот ведь горе всей жизни.
Почему-то Бетховен кажется глубоко
личным переживанием, в мир его квар-
тета, в четыре комнатки четырех его
частей, хочется войти и остаться жить
там, ну, замуж, что ли, выйдя за какой-
нибудь аккорд...

Взамен этой навсегда упущенной
возможности разве что послушать ино-
гда удастся. Барилли-квартет, квартет
Шандора Вега, Барток-квартет (эти
у меня долгое время числились в луч-
ших, пока не надоели). Квартет имени
Бородина недосигаем.

Всегда задумываюсь: в чем тут тайна?
Составы сменяются, а лицо коллектива
все равно узнаваемо. В семидесятых,
помнится, слушали в общежитии их
бетховенские записи, и Наташа Оле-
сова любила порассуждать о том, как там
виолончелист Берлинский играет трель
на доминантовом органном пункте в Че-
тырнадцатом квартете.

Берлинского, основателя квартета, с
2007 года там уж нет. Теперь там Влади-
мир Бальшин. А виолончель все с той же
чуть ли не демонической энергией «ре-
жиссирует» звучание квартета. Может

Ведущий концерта — музыковед Артем Варгафтик

быть, не время и не место тут рассуждать
о том, что существует незыблемое акусти-
ческое правило. А именно: бас в своей гул-
кой обертоновой бездне едва шевелится,
а чем выше голос, тем он подвижнее. И

вдруг, переступая скучное школьное пра-
вило, барокко не забывает нагружать ма-
лоподвижный бас виртуозными узорами
шестнадцатых, Бетховен дает услышать в
басу гул Вселенной, Лист прячет в недрах
фортепианной клавиатуры, в басовом
подполье своей си-минорной сонаты, ух-
мыляющегося Мефистофеля.

Это я о чем? О финальной фуге квар-
тета. Музыку не узнать. Насколько все же
записи «бородинцев» сдержаннее экста-
тически напряженного живого испол-
нения. Вот и во второй части пульсиру-
ющее «сердце» в пиццикато виолончели
бьется гораздо быстрее, чем ожидаешь.
Впрочем, в звучании виолончели Баль-
шина это и не вполне сердце.

Мерцают, то приближаясь, то удаля-
ясь, вращаясь, вспыхивая разными оттен-
ками, фосфоресцирующие звезды — что
за звезды, то самое «звездное небо над
нами», так удивлявшее Канта? А где же
«нравственный закон в нас», не меньше
звезд удивлявший немецкого мыслителя?
У скрипки? Что за удел в квартете доста-
ется скрипке? Как-то не принято говорить
об этом, но безупречная вселенская гар-
мония четырех голосов струнного кварта-
та складывается, похоже, из тех же компо-
нентов, что и мировая гармония четырех
голосов в вокальной музыке Баха.

У нас об этом говорить не модно,
а может, просто не знают. Не читали:
литература-то вся серьезная о Бахе — по-
немецки. Каждый из четырех солистов-
вокалистов выражает то или иное состо-
яние души, или, если угодно, нравствен-
ную позицию человека в мире. Бас — то ли
смерть, то ли как раз он, нравственный
закон. Тенор — выражение идеи греха.
Выше — альт (или, если угодно, меццо-
сопрано), — слезы, раскаяние. Сопрано
— небесно-чистая любовь. А в струнном
квартете эпохи Бетховена, эпохи класси-
цизма? Не отголосок ли это баховского
деления мира на четыре слоя с разным
нравственным наполнением? «Сопра-
но» первой скрипки поет, как баховские
флейты в «Страстях по Матфею», в Сто
шестой кантате.

Кстати, с «бородинцами» первого со-
зыва играл Ростислав Дубинский, но вот
уже почти двадцать лет первая скрипка
у них — Рубен Агаронян. Почему-то серд-
це замирает, когда читаешь цифры в
скобочках: музыканты в этом квартете
работают минимум лет по двадцать. От
зависти замирает сердце. Сидеть бы в
хорошем квартете, на альте играть. Вот
оно, счастье...

* Музыковед, кандидат искусствоведения